

Сергей САВОСКУЛ

Русские нового зарубежья

Два с лишним года назад, еще в самом начале распада СССР и радикальной суверенизации бывших союзных республик, анализируя основные социально-этнические проблемы русского народа, я назвал в их числе и «русский вопрос» вне России, т. е. проблемы русского населения в странах нового российского зарубежья. Кратко рассмотрев истоки и современные аспекты этого вопроса, основываясь в том числе и на итогах исследования конца 1991 года в Узбекистане, наша исследовательская группа¹ пришла тогда к выводу о крайней необходимости в интересах России и других бывших союзных республик стабилизировать положение русского населения в последних. В противном случае его недостаточная защищенность в правовом, социально-экономическом и национально-культурном отношениях способна создать ситуацию, грозящую взорвать всю систему отношений России со странами СНГ, Балтии, с другими партнерами по бывшему Союзу².

Произошли ли за прошедший период суверенного развития России и других бывших союзных республик радикальные перемены? На первый взгляд, произошли, и очень заметные. Под влиянием главным образом внутривнутриполитических факторов во внешней политике России стало явно заметным резкое усиление внимания к положению и интересам русского населения нового зарубежья. По крайней мере его проблемы стали одним из актуальнейших аспектов переговоров российских руководителей самого высокого ранга с их коллегами из соседних стран — наших бывших партнеров по СССР, прежде всего прибалтийских, а также центрально-азиатских. Эта тема не сходит со страниц ведущих российских газет, немало времени уделяют ей наши телевидение и радио.

Однако поток русских беженцев и вынужденных мигрантов, особенно из государств Средней Азии, не иссякает. Большинство русских в Латвии и Эстонии лишены гражданства. Русский язык — родной язык значительной доли населения новых независимых стран — не признан в бывших союзных республиках государственным и все более активно вытесняется из сфер общественной жизни, в том числе из сфер образования и культуры, что, безусловно, является огромным дискриминационным фактором по отношению к живущим там 25 миллионам русских и нескольким миллионам нерусских по происхождению, но ассоциированных с русским населением в языковом и культурном плане лиц. Нако-

¹ В нее входят А. Гинзбург, Л. Остапенко, С. Савоскул и И. Субботина.

² См. С а в о с к у л С. Социально-этнические проблемы русского народа. «Этнополис», 1992, № 1, с. 104—105.

Савоскул С. С. — кандидат исторических наук, руководитель группы по изучению этнополитических ситуаций Института этнологии и антропологии РАН. Специалист в области этносоциологии и этноантропологии.

нец, крайне остро стоят проблемы трудовой деятельности русских, усугубляемые двумя обстоятельствами: во-первых, их преимущественной занятостью в промышленности, в первую очередь крупной, в недавнем прошлом находившейся, как правило, в союзном подчинении, и, во-вторых, слабым знанием языков титульных национальностей, ставших ныне государственными языками³. Данное обстоятельство в новых этнополитических условиях резко снижает для русских возможности конкуренции с представителями титульного населения, в значительной своей части двуязычного⁴. Проблемы трудового (и шире — социального) роста местных русских осложняются для них не только практическими шагами властей ряда новых независимых стран по воплощению в жизнь доктрины собственного «национального» государства, но и мерами по сокращению роли русского языка в сфере специального, в том числе высшего, образования.

Среди немногих достижений России по защите прав и интересов наших соотечественников, два с лишним года назад в большинстве своем не по своей воле вдруг превратившихся из граждан единого союзного государства в жителей или граждан новых независимых стран (в ряде случаев не очень дружественных по отношению к России), наиболее заметным является подписание в Ашхабаде в декабре 1993 года соглашения между Россией и Туркменией о двойном гражданстве. При этом российский президент Б. Ельцин заявил: «Я первым получаю двойное гражданство».

В этой связи надо заметить, что уже при зарождении СНГ, как показали итоги нашего исследования в Ташкенте в декабре 1991 года, идея двойного гражданства широко овладела сознанием местных русских, которые видели в таком правовом статусе известную гарантию защиты своих прав и интересов, в том числе безопасности. Они видели в этом также шанс на то, чтобы в случае крайней необходимости переселиться в Россию не как иностранцы или лица без гражданства, а в качестве ее равноправных граждан. Широкое распространение ориентации на двойное гражданство было затем отмечено в ходе наших исследований среди русского населения в Киргизии (1992 год) и в Молдавии, Литве, Эстонии (1993 год). Таким образом, можно сказать, что двойное гражданство — важный фактор психологической защиты для наших соотечественников в новом зарубежье.

В то же время нельзя не согласиться с мнением В. Тишкова, что приобретение двойного гражданства значительной частью населения новых государств, в том числе и заметной долей населения России, на территории которой проживает большая диаспора (около 10 млн человек) из представителей титульных этносов бывших союзных республик, не будет способствовать стабильности этих обществ и гражданской лояльности лиц с двойным гражданством по отношению к государству их проживания. А в этом должна быть заинтересована прежде всего Россия. Справедливы также его опасения об осложнении — в случае двойного гражданства — правовых и экономических проблем, прежде всего связанных с ожидаемым увеличением иммигрантов в Россию из нового зарубежья (и не только русских, но и представителей титульных народов многих бывших союзных республик)⁵.

³ По данным переписи населения 1989 года, доля русских, свободно владеющих языками титульных народов республик своего проживания, колебалась от 33,4% в Литве до 0,85% в Казахстане (см. «Русские: этносоциологические очерки». М., 1992, с. 295).

⁴ По данным переписи населения 1989 года, у шести титульных этносов новых независимых государств — бывших союзных республик (белорусов, казахов, латышей, литовцев, молдаван и украинцев) — доля свободно владеющих русским языком составляла в их «собственных» странах от более чем половины населения (57% у молдаван в Молдавии) до более чем трех четвертей (78% у белорусов в Белоруссии). У пяти из числа этих народов (азербайджанцев, армян, грузин, киргизов и эстонцев) доля свободно владеющих русским языком составляла треть и более (от 32% у грузин в Грузии до 44,6% у армян в Армении). И лишь у трех титульных народов бывших союзных республик эта доля была меньше трети: 22,7% у узбеков в Узбекистане, 28,3 у туркмен в Туркмении и 30,5% у таджиков в Таджикистане. При этом следует учесть, что среди городского населения титульных народов, с которым в подавляющем большинстве общаются местные русские, доля свободно владеющих русским языком на порядок выше.

⁵ См. Т и ш к о в В. А. Русские вне России: мифы и политика. «Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк». М., 1993, с. 12—13.

Уже этого примера достаточно, чтобы стало очевидным: ситуация, сложившаяся вокруг русского населения ближнего зарубежья, требует серьезного, комплексного научного осмысления. Исходя из настоящей потребности изучения проблем новой русской диаспоры и основываясь на собственном многолетнем опыте этносоциальных исследований, в том числе русского населения, в ряде бывших союзных республик, наша исследовательская группа подготовила проект этносоциологических и этнополитологических исследований русского населения нового зарубежья России⁶. Основной целью этого проекта является изучение этнических аспектов многообразных реакций русских (проявляющихся в общественном мнении, социальной деятельности и ее результатах) в независимых странах, возникших на месте бывшего СССР, на новую этнополитическую ситуацию и порожденные ею проблемы.

При определении целей и задач исследования мы исходим из того, что происшедшие в последние годы резкие перемены во всех сферах жизни поставили все общество, все составляющие его части — государство, народы, региональные и социальные группы, каждого индивида — перед необходимостью адаптации к новым условиям. При этом развал Союза был наиболее значимым фактором воздействия на этносоциальные процессы, протекающие в пространстве прежде единой державы. На месте СССР образовалось 15 новых независимых государств. В свою очередь суверенитет многих из них подвержен испытаниям со стороны национальных, а нередко и региональных сепаратистских сил. Единое социальное, политическое, идеологическое, культурно-языковое пространство, существовавшее на базе русского языка и культуры, начало разрываться. В этой связи глубокие перемены стали характерной чертой жизни всех народов бывшего Союза.

Вместе с тем особенно ощутимыми, на наш взгляд, были изменения для представителей народов, оказавшихся за пределами государственных образований, формируемых основным ядром их этноса. Во многом это связано с утверждением в большинстве новых государств доктрины и основанной на ней практики этнического национализма. Суть ее состоит в идее «своей» и «не своей» государственности, что в жизни зачастую выливается в неравноправие людей, основанное на их этническом происхождении. В итоге в наиболее тяжелом положении оказались представители нетитульных народов новых государств.

В то же время большинство представителей титульных народов бывших союзных республик и автономий, живших и живущих за пределами «своих» государственных или административных образований, а тем более народов, не имевших таковых, и до распада СССР располагали опытом культурно-языковой адаптации к окружающему этническому большинству. Этот опыт формировался тогда по большей части на основе общесоветской культурно-информационной системы, функционировавшей на русском языке. Этот опыт они успешно используют и сейчас, прежде всего в рамках суверенной России. Правда, те представители нерусских народов, которые в итоге этнокультурной адаптации сильно сблизилась с русскими и даже отчасти были ассимилированы последними (украинцы, белорусы, евреи и др.), в условиях ближнего зарубежья оказались в положении, близком к положению русских, и во многом разделяют их судьбу.

Однако даже в сравнении с этой частью нерусских народов русские в новых государствах ближнего зарубежья находятся в более сложном положении. Объективно и субъективно это связано прежде всего с особым местом, занимаемым русскими среди народов бывшего Союза. Ведь в масштабах всего СССР они были этническим большинством даже по отношению к наиболее многочисленным титульным этносам союзных республик, а потому у них не было нужды в приобретении сколько-нибудь глубокого опыта этнической адаптации. Это дополнялось относительно высоким уровнем социального и культурного развития русского народа. Из данных объективных обстоятельств закономерно выросло

⁶ См. «Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологического исследования». М., 1994.

социально-экономическое, этнокультурное, языковое и политическое (в первую очередь в центре страны) доминирование русских в СССР.

В этническом плане русские во многом объединяли народы Союза. Это обеспечивалось не только благодаря единому культурно-языковому и информационному пространству, в основном созданному на базе русского языка и общесоветской (в значительной мере также русской) культуры, но и благодаря всеобъемлющей широте расселения русских, что позволяло им как бы пронизывать все остальные этнические общности страны. Объединяющей роли русских способствовало также и то обстоятельство, что по сравнению с большинством других народов СССР они в наименьшей мере были подвержены национальной замкнутости и бытовому национализму. Вместе с тем для национального сознания русских как представителей большого народа характерна такая сложившаяся под влиянием множества факторов его развития черта, как беззаботное, безразличное отношение не только к собственным национальным ценностям, но и к языкам (и в целом к национальной самобытности) и своего, и других народов. Проявление этой черты ментальности в обращении русских с представителями других народов страны и послужило в значительной мере основанием для обвинения их в имперских взглядах на другие этносы.

Эти общие черты, в основном повлиявшие на положение русских среди других народов СССР, в каждой из союзных республик вне России проявлялись по-своему. Но и здесь были общие для всех республик факторы, определяющие положение и статус русских. Среди них важное место принадлежит фактору широкого приобщения нерусских народов страны, в том числе и титульных этносов союзных республик, к русскому языку и культуре, ставшему особенно заметным в 60—80-е годы. Это обстоятельство, естественно, отнюдь не стимулировало русских к освоению языков и культур народов СССР. В том же направлении действовали и такие факторы, как особенности расселения (русские в бывших союзных республиках, как правило, и сейчас живут в крупных городах, в том числе в значительной своей части в столицах) и занятости. Русские были заняты чаще всего на крупных промышленных предприятиях союзного подчинения. Лица титульных национальностей обычно составляли там меньшинство, причем в подавляющем большинстве свободно владевшее русским языком и в той или иной мере адаптированное к культуре и образу жизни русского населения.

Конечно, сказанное выше дает лишь крайне обобщенное представление о ситуации, которая в деталях в каждой из республик выглядела и выглядит гораздо более разнообразно. В целом же можно сказать, что в резко изменившейся этнополитической обстановке, сложившейся на территории бывшего СССР накануне и особенно после распада Союза, положение и статус русских вне России должны были резко перемениться. Представители самого большого и доминировавшего народа страны в бывших союзных республиках были поставлены перед необходимостью принять несвойственные им роль и статус нового этнического меньшинства. Из граждан прежде единого государства внезапно для себя и не по своей воле они превратились в граждан (а то и просто жителей) новых независимых «национальных» государств. Естественно, процесс этот не мог быть простым, быстрым и однозначным. Он породил немало проблем для самого русского населения нового зарубежья, для населения других национальностей (в том числе титульных) новых независимых стран, для их политиков, а также для политиков России, для политических лидеров многих стран дальнего зарубежья.

Исходя из определенного таким образом понимания проблем русских в новом российском зарубежье, наша исследовательская группа сформулировала конкретные задачи анализа и его предполагаемые гипотезы. Для решения этих задач и проверки выдвинутых гипотез было намечено прежде всего провести массовый опрос русского населения в основных регионах бывшего Союза вне России, а также — для большей объективности анализа положения последних — и представителей титульных этносов в новых независимых государствах. Кроме того, для анализа привлекались и другие источники информации — периодика,

документация государственных и общественных организаций, статистические данные, итоги других исследований русского населения нового зарубежья. Как уже отмечалось выше, к настоящему времени нами проведены опросы в Узбекистане, Киргизии, Молдавии, Литве и Эстонии. В их ходе было опрошено свыше 4 тыс. человек.

Таким образом, для исследования социально-этнических аспектов положения русского населения в новом зарубежье мы располагаем прежде всего данными общественного мнения, т. е. имеем дело преимущественно с субъективной стороной этих проблем. Такой подход представляется вполне правомерным, поскольку известно, что социальная проблема на первых порах выступает прежде всего как феномен общественного сознания, но за этими иной раз смутными и не всегда до конца осознанными стремлениями стоят те или иные структурные изменения в положении социальных групп⁷, к которым относятся и этносы.

В этой связи показательно, что уже в ходе пробного опроса русских в Ташкенте, проведенного в конце 1991 года⁸, выяснилось, что большинство из них ощущали угрозу своему социально-культурному статусу, своим правам и интересам. О социальном неблагополучии русских, их неуверенности в своем будущем свидетельствовало уже то, что около двух третей опрошенных с той или иной интенсивностью думали о возможном отъезде из Узбекистана. Опрос русских горожан Киргизии, проведенный в середине 1992 года, показал, что среди них была примерно такая же доля лиц, в той или иной мере задумывавшихся об отъезде. В Молдавии же (в ее правобережной части) доля русских горожан, думавших об этом, судя по данным нашего опроса, проведенного летом прошлого года, была еще выше: лишь 12% опрошенных заявили, что им никогда не приходили в голову такие мысли.

Достаточно отчетливое представление о факторах, дестабилизирующих положение русских в обследованных государствах российского зарубежья, дают ответы наших респондентов на вопрос о причинах, которые заставляют их задумываться о возможной миграции (см. табл.).

Среди ответов, как видим, выделяется группа этнополитических и этнопсихологических мотивов — общее ухудшение межнациональных отношений, принятие этнодискриминационных законов, ущемление национального достоинства людей из-за их этнической принадлежности. В Молдавии очень важным фактором понижения своего статуса русские назвали затруднения в получении специального, в том числе высшего, образования на русском языке. В Киргизии этот фактор также занял достаточно высокое место. В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что распад СССР как глубинная причина происшедших изменений в положении русских последними в таком качестве широко не воспринимается. Во всяком случае можно предположить, что связь между этим фактором и остальными вышеназванными, очевидно, не осмысливается как непосредственная.

Вторая группа факторов связана с социально-экономическими трудностями. Их роль в дестабилизации положения русского населения нового зарубежья заметно ниже этнополитической группы факторов. Очевидно, это связано с общей экономической дестабилизацией, в той или иной мере охватившей все государства бывшего СССР, в то время как этнополитический фактор далеко не во всех из них оказывает заметное отрицательное влияние на положение их населения. Во всяком случае в большинстве регионов России, в том числе во многих входящих в нее республиках, влияние этого фактора минимально.

Региональные различия наиболее очевидны в том, что интенсивность проявления большинства из названных факторов в Молдавии заметно выше. Можно предположить, что это свидетельствует о более явном, открытом и мно-

⁷ См. Здравомислов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 36—37.

⁸ Было опрошено более 200 представителей населения из основных социальных и демографических групп русских Ташкента.

**Факторы дестабилизации положения русских в обследованных странах нового
российского зарубежья (по итогам опроса в городах, в %)**

Факторы дестабилизации	Киргизия (1992 год)	Молдавия (1993 год)
Ухудшение межнациональных отношений	60	50
Принятие законов, ущемляющих	29	55
Ущемление национального	20	41
Распад СССР и образование «национальных» государств	13	14
Неустойчивое экономическое	15	27
Опасность безработицы	8	30
Рост цен	4	8
Невозможность решить жилищную проблему	4	8
Невозможность продолжить образование свое и	16	42
	13	14

гоуровневом этническом конфликте в данной республике, протекающем к тому же на фоне более заметных для населения социально-экономических трудностей.

Таким образом, уже анализ ответов на вопрос о причинах возможного отъезда из страны нынешнего проживания открывает перед нами панораму основных факторов дестабилизации социально-экономического, этнополитического и этнокультурного статуса русских нового зарубежья России. Они связаны прежде всего с изменениями политического характера — распадом СССР в результате победы в большинстве из составляющих его союзных республик доктрины и основанной на ней практике этнического национализма. Рассмотрение содержания значительного ряда других вопросов, заданных нашим респондентам, свидетельствует о том, что в общественном мнении русских, живущих в обследованных нами странах нового российского зарубежья, сформировались устойчивые негативные оценки своего нынешнего культурно-языкового и социального статуса, межнациональных отношений в странах своего проживания, этнополитической ситуации как в последних, так и в целом на пространстве бывшего СССР.

Так, известно, что важнейшие изменения в положении русских в бывших союзных республиках за пределами России связаны со значительными сдвигами в этноязыковой ситуации. Эти перемены были вызваны прежде всего принятием (в основном в 1989 году) законов о государственных языках союзных республик, по которым этот статус приобретали исключительно языки их титульных этносов. Принятие таких законов, как помним, было подготовлено и сопровождалось в ряде республик (особенно в Прибалтийских и Молдавии) широким общественным движением титульных народов в их поддержку. Происшедшая на этой почве мобилизация титульных этносов, прежде всего в вышеназванных, а в той или иной мере и в остальных союзных республиках, стала социальной опорой дальнейшего движения к суверинизации и независимости, к построению собственных «национальных» государств⁹.

Законы о языке, преследуя благую цель — повышение статуса языка титульных народов, — вместе с тем содержали большой этноконфликтный потенциал. Они плохо учитывали реальные этнические и этноязыковые ситуации в республиках, связанные с проживанием в большинстве из них значительных

⁹ Подробнее см. Г у б о г л о М. Н. Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвинцизм. М., 1993.

групп русского и так называемого «русскоязычного» населения, которое, как правило, слабо владело языками титульных народов.

Не удивительно, что среди подавляющего большинства русских вне России эти законы были крайне не популярны уже в ходе их подготовки и принятия. В качестве их альтернативы большинство из этих русских рассматривают введение в странах своего нынешнего проживания двух государственных языков — языка титульного этноса и русского. Так считали, например, около четырех пятых русских из числа опрошенных в Ташкенте. Среди русских горожан Правобережья Молдавии подавляющее большинство в той или иной мере не согласны с мнением, что единственным государственным языком в стране должен быть молдавский. В той или иной степени согласны с таким положением лишь 6% опрошенных, а не согласны 90% (в том числе безусловно не согласны 64%). Еще более активно выступают против молдавского языка как единственного языка Молдавии русские в Тирасполе — 88% из них безусловно не согласны с таким положением. Напомним, что именно разногласия по вопросу о государственном языке стали детонатором событий, приведших в итоге к нынешнему расколу Молдавии и образованию Приднестровской республики.

Подавляющее большинство (97%) русских горожан Правобережья Молдавии считают, что принятие закона о языке резко повлияло на положение местного русского населения. В Киргизии такого мнения придерживаются более двух третей (68%) опрошенных русских горожан. При этом большинство русских и в Киргизии, и в Молдавии полагают, что законы о языках отрицательно сказались прежде всего на социальном положении русских — затруднили поступление в высшие учебные заведения (таково мнение 24% русских горожан Киргизии и 74% Молдавии) или на работу (соответственно, 17 и 70%), осложнили продвижение по службе (16 и 57%), увеличили угрозу их увольнения с работы (12 и 76%). По мнению части опрошенных (16% в Киргизии и 38% в Молдавии), результатом принятия законов о языках стали затруднения в общении с представителями титульных народов на бытовом уровне. И лишь небольшая доля русских в Киргизии (15%) и заметно большая в Молдавии (33%) в какой-то степени положительно оценили названные законы, полагая, что их принятие помогло русским осознать необходимость изучения языков титульных народов.

Результаты опроса выявили огромную потребность русского населения нового зарубежья в продолжении полноценного функционирования русского языка во всех сферах общественной жизни стран своего нынешнего проживания. Так, в ответ на вопрос о том, как они поступят в случае, если русский язык будет полностью вытеснен из большинства сфер общественной жизни (высшего образования, торговли, учреждений обслуживания, организаций культуры и средств массовой информации), значительная часть русских горожан (42% в Киргизии и 36% в Молдавии) ответили, что уедут из названных государств. Тех же, кто в такой ситуации предпочел бы остаться на месте и выучить титульные языки, было заметно меньше (27% в Киргизии и всего 6% в Молдавии). Кстати, в последней оказалась очень большая доля (51%) оптимистов, полагающих, что подобной ситуации не будет. В Киргизии их доля была гораздо меньше.

Заметное беспокойство проявили русские горожане названных стран по поводу возможного сокращения использования русского языка в работе местных средств массовой информации, прежде всего телевидения, а также таких институтов культуры и образования, как учебные институты, театры и т. п. За сохранение в этих сферах русского языка высказались 80—90 и более процентов русских горожан.

Однако озабоченность понижением статуса русского языка и связанной с ним функционирующей культуры вовсе не свидетельствует о нежелании местного русского населения осваивать языки титульных этносов. Большинство опрошенных реально оценивают негативные последствия своего слабого вла-

дения этими языками ¹⁰. При этом наиболее весомыми аргументами в пользу владения языками титульных национальностей для русских выступают, с одной стороны, боязнь понижения своего социального статуса, с другой — трудности культурно-бытовой адаптации в условиях заметно изменившейся этноязыковой и этнокультурной ситуации.

В то же время, судя по результатам нашего исследования, сдвигов в реальном росте двуязычия среди русского населения обследованных регионов бывшего СССР пока не произошло. Этому можно найти множество причин. Среди них не в последнюю очередь следует назвать слабую организационно-материальную подкрепленность декларируемой необходимости более широкого овладения государственным языком. Складывается известное противоречие между более скромными масштабами реального двуязычия русских и практическими шагами к его росту, с одной стороны, и осознанной под давлением новых этнополитических обстоятельств необходимостью более широкого освоения языков титульных национальностей — с другой. Выход из создавшегося положения русское население видит в выправлении ситуации путем более интенсивного школьного обучения этим языкам и отчасти культурам своих детей, т. е. уже будущего поколения.

Конечно, при желании такую постановку вопроса можно рассматривать как попытку большинства русского населения нового зарубежья уйти от практического решения реальной проблемы. Но не забудем, что этот путь в целом соответствует обычному процессу овладения неродным языком и культурой (к слову сказать, именно так овладевало русским языком большинство нерусского населения в СССР). К тому же, как показали исследования, проведенные по итогам переписей населения, тенденция к повышению доли знающих языки титульных народов среди русской молодежи по сравнению с более старшими поколениями местных русских наметилась уже в 1960-е годы и продолжает развиваться вплоть до наших дней ¹¹.

Как уже говорилось выше, значительная часть современных проблем русских в бывших союзных республиках связана с их прошлым положением этнического большинства, доминировавшего в масштабах всего СССР. Естественно, что борьба республик за суверенизацию, вылившаяся в противостояние с Центром и олицетворявшей его Москвой, неизбежно в той или иной мере носила антирусскую окраску. В ряде республик со значительной долей русского населения этому способствовал своеобразный демографический страх перед «наступлением» большого народа. В результате этнополитическая ситуация, сложившаяся как в последние годы перед распадом союзного государства, так и после его развала, в большинстве бывших союзных республик вне России характеризовалась, помимо прочего, той или иной степенью противостояния русского населения и властей, а также титульного населения новых суверенных государств.

Эту этноконфликтную ситуацию (не всегда открыто проявляющуюся) отразили итоги нашего исследования. Например, очень значительными оказались различия между оценками, даваемыми русскими и представителями титульного населения, роли русского народа в жизни других народов СССР. С точки зрения подавляющего большинства русских в Киргизии, а тем более в Молдавии (соответственно, 78 и 93%), русский народ всегда играл прогрессивную роль во взаимоотношениях с другими народами, помогал им. Такое мнение разделяют не более трети горожан титульных национальностей этих стран. С представлением о том, что русские всегда стремились к господству над другими народами, согласны лишь 2—3% русских и почти в 10 раз большая часть киргизов и молдаван. Заметны различия, хотя и гораздо меньшие, между русскими и представителями

¹⁰ Среди опрошенных нами русских горожан нового зарубежья около половины (54% в Узбекистане, 57 в Киргизии и 41 % в Молдавии), по их словам, совершенно не говорят на языках титульных народов; в той или иной мере владеют ими около пятой части, а остальные считают, что с большим трудом могут говорить на этих языках.

¹¹ См. «Русские: этносоциологические очерки», с. 289—291.

титульных народов в суждении о том, проводилась ли в их республиках политика русификации. При этом и русские, и опрошенные из числа титульных этносов видят в качестве основного содержания русификаторской практики те или иные формы социального и культурно-языкового доминирования (в том числе и психологические), бытовые стороны проявления культурно-языковой политики, сказавшиеся в пренебрежении русских к титульным языкам и культурам.

Так, в Киргизии это отмечали 14% русских и 31% киргизских горожан, а в городах Правобережья Молдавии 7% русских и 37% молдаван.

Все многообразные изменения в положении русских в странах нового зарубежья (по оценкам их самих, в основном негативные) в значительной мере вызваны переменами в отношении к местному русскому населению как властных институтов новых независимых государств, так и их титульного населения. Мнение русских о направленности этих перемен вполне определено. Например, в Ташкенте более двух третей опрошенных считали, что отношение к ним местных властей за последние годы ухудшилось. В городах Киргизии так считали около половины опрошенных русских (в том числе 16% ответили, что оно заметно ухудшилось). В городах Правобережья Молдавии последнее мнение разделили три четверти русских, а еще почти пятая часть (19%) опрошенных считали, что это отношение лишь несколько ухудшилось. По мнению части русских (12% в Узбекистане, 33 в Киргизии и 2% в Молдавии), отношение к ним со стороны властей осталось неизменным, а еще меньшая доля считала, что оно даже улучшилось. На бытовом уровне изменение отношения к себе титульного населения местные русские оценили примерно в том же соотношении, с той разницей, что в Средней Азии отрицательных оценок в этом случае было несколько больше, а в Молдавии — несколько меньше.

В связи со сказанным понятно, что лишь незначительная часть русских (10% в Ташкенте, 17 в городах Киргизии и 15% в Молдавии) надеются на улучшение межнациональных отношений в республиках своего проживания. Более же половины русского населения Средней Азии и около трети Молдавии считают, что межнациональные отношения в их странах будут ухудшаться.

То, что эти как будто бы и не очень конкретные оценки и ощущения местного русского населения основаны на вполне реальной социальной ситуации, подтверждает, например, сравнение ответов русских, с одной стороны, и киргизов и молдаван — с другой, о предпочтительных для первых отраслях занятости и социально-профессиональных ролях в условиях независимых Киргизии и Молдавии. Русские, к примеру, заметно реже, чем предполагает на их счет население титульной национальности, хотели бы работать в промышленности, строительстве и транспорте и гораздо чаще, чем думают киргизы и молдаване, считали приемлемыми для себя такие общественно-престижные отрасли, как управление, наука, культура, искусство и здравоохранение. Также заметно чаще, чем полагают представители титульных этносов, русские видят себя в ролях специалистов и руководителей и, наоборот, реже — рабочих.

Ясно поэтому, что русское население гораздо чаще ощущает сильную конкуренцию со стороны представителей титульных этносов, чем те — со стороны русских. Русские также заметно чаще, чем титульное население, полагают, что в будущем их национальность будет затруднять продвижение по службе.

Понятно, что в сложившейся ситуации русские в той или иной мере чувствуют свою незащищенность. Подавляющее их большинство и в Киргизии (72%), и особенно в Молдавии (95%) ответили, что живущих в этих государствах русских необходимо защищать. В то же время показательно, что более половины из них хотя бы видят своих защитников во властных структурах стран проживания: в Киргизии так ответили 56% опрошенных русских горожан, в Молдавии — 61 процент. На защиту же со стороны властей России ориентированы менее трети русских в Киргизии, но 70% в Молдавии. Таким образом, в последней на защиту со стороны России рассчитывает несколько большая доля наших соотечественников по сравнению с долей видящих гаранты своей стабильности и безопас-

ности молдавское государство. И этот перевес в сторону России будет понятен, если вспомнить о недавнем радикальном опыте политических оценок, приобретенном русским населением Молдавии в ходе короткой войны между основной и отколовшейся ее частью — Приднестровьем. Ведь Россия выступила тогда одним из главных инициаторов прекращения военного конфликта, а ее армия и сейчас выполняет миротворческие функции в отношениях между конфликтующими сторонами.

Заметная часть русского населения в роли своего защитника видит также собственное организованное общественное движение (так считают 17% русских в Киргизии и 33% в Молдавии) и русское общественное движение в России (соответственно, 13 и 26%).

Ожидания русских нового зарубежья в отношении возможной защиты собственных интересов со стороны России сосредоточены прежде всего в политико-правовой и экономической сферах, в том числе в сфере оказания помощи желающим переехать в Россию. По их мнению, при подготовке соглашений с новыми суверенными государствами Россия должна требовать внесения в эти документы положений о защите своих соотечественников, а в случае нарушения их прав применять к виновным экономические и политические санкции.

На общую же оценку наших соотечественников политики России в отношении русских в новом зарубежье, на наш взгляд, влияет несколько факторов. Большую роль в этой оценке сыграла позиция, занятая руководством суверенной России в вопросе о судьбе СССР. Значительная часть русских в ближнем зарубежье до сих пор негативно оценивают Беловежское соглашение, связывая именно с ним окончательный развал СССР. Этнократические тенденции в политике новых суверенных государств, особенно укрепившиеся после этого, также способствуют закреплению негативного отношения русского населения к факту распада СССР и к главному виновнику этого процесса в глазах русских ближнего зарубежья — руководству новой России.

Неспособность последней в силу экономических трудностей достойно принять своих соотечественников, желающих уехать из бывших союзных республик, также работает на закрепление в массовом сознании стереотипного мнения о том, что они России не нужны, что она их предала. Подобными настроениями следует, на наш взгляд, объяснить низкий рейтинг Б. Ельцина у русских нового зарубежья по сравнению с рейтингом руководителей стран их проживания, особенно по сравнению с рейтингом Н. Назарбаева. Возможно, в будущем предпринимаемые Россией в последнее время усилия по защите русских нового зарубежья и не раз декларированная ее лидерами, в том числе президентом, забота о своих соотечественниках изменят этот стереотип.

Каковы же, с точки зрения русских, проживающих в обследованных нами регионах, пути решения проблем, возникших прежде всего в связи со складыванием на территории бывшего Союза новой этнополитической ситуации. Значительная часть из них видит для себя выход в миграции из стран своего нынешнего проживания. Средняя Азия стала тем регионом, откуда уже выехало большое число русских и где среди пока остающегося русского населения наиболее велика доля потенциальных мигрантов. Так, по данным исследования ВЦИОМ, проведенного в августе-сентябре 1991 года, т. е. до окончательного развала СССР, потенциальная миграция среди русских в среднеазиатском регионе составляла от 24% в Киргизии до 36% в Таджикистане. Высокие ориентации на отъезд были характерны и для русского населения Молдавии — 23 процента. Заметно ниже были они в Казахстане (11%), еще ниже в Прибалтике (менее 10%), а тем более на Украине¹². Но уже год спустя потенциальные миграционные намерения русских в новом зарубежье, по крайней мере в ряде его стран, выросли, иногда заметно. Судя, например, по результатам проведенного в 1992 году исследования

¹² См. Левада Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения. «Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция». Вып. 1. М., 1992, с. 25—26.

Института проблем занятости РАН, доля русских, твердо намеревавшихся уехать из стран своего проживания, составляла в Ташкенте менее половины (43%), в Душанбе — две трети (66%), на Украине — 13%, в том числе в западном ее регионе 20 процентов.

Однако большинство русских в странах нового зарубежья (за исключением, видимо, среднеазиатских государств) останутся в местах своего нынешнего жительства, и для них адаптация к изменившимся условиям — единственно реальный выход. И, как мы видели выше, русские зачастую демонстрируют готовность к этой адаптации. В то же время успехи политики в отношении русского населения как новых независимых государств, так и самой России прямо связаны с адекватностью представлений властей о том, какие направления данной политики встретят понимание и поддержку местных русских, а какие будут им отвергнуты. В частности, полученная нами информация об этнополитических ориентациях обследованных нами регионов показывает, что безусловную поддержку встретит политика по сохранению в той или иной форме связей между бывшими союзными республиками (как многосторонних, например в форме СНГ, так и двусторонних отношений между Россией и остальными новыми суверенными государствами). Например, в Ташкенте подавляющее большинство русских (96%) высказались за вхождение Узбекистана в состав СНГ, в Киргизии за развитие республики в рамках Содружества было около половины (44%) русских горожан и еще 20% были настроены преимущественно на двусторонние отношения с Россией, а за трехсторонний союз Киргизии, России и Казахстана высказались 14 процентов. Показательно также, что за эти три выбора высказались и более половины киргизов. В Молдавии около трех четвертей опрошенных русских горожан были за вхождение страны в СНГ, а за преимущественно двусторонние отношения с Россией — 14 процентов.

Подавляющее большинство русских в Киргизии и Молдавии (очевидно, и в других странах нового российского зарубежья) хотели бы иметь возможность беспрепятственно передвигаться в прежних границах СССР. Так считают более трех четвертей русских горожан Киргизии и 93% в Молдавии. Кстати, сторонников такого мнения немало и среди представителей титульных национальностей новых государств. По нашим данным, так полагают около половины киргизов и молдаван, живущих в городах «своих» республик.

Важным политическим шагом к стабилизации своего статуса, как говорилось выше, русское население нового зарубежья считает введение двойного гражданства. В Ташкенте за это высказались почти три четверти опрошенных русских, в городах Киргизии — более половины (58%), в городах Молдавии — 85 процентов.

В то же время у русского населения в какой-то мере растет и переориентация с прежде единого социально-политического пространства бывшего СССР на республику своего проживания. Поэтому значительная часть русских склонны принять статус этнического меньшинства в новых независимых государствах. Можно предположить, что большинство русского населения даже в странах с наиболее конфликтной для них ситуацией в надежде на стабилизацию своего положения не желают вступать в открытый конфликт с властями и титульным населением и готовы до известного предела приспособляться к изменившимся социально-культурным и этнополитическим условиям. Тот же предел, до которого готово адаптироваться к новым условиям подавляющее большинство русского населения, включает, если судить по данным нашего исследования, прежде всего полное сохранение своей этничности — родного языка, культуры, образа жизни. Для их сохранения оно надеется на помощь России — страны, где сосредоточено основное ядро русского этноса. Эта помощь, по мнению русских ближнего зарубежья, должна заключаться в поддержании между русской диаспорой новых независимых республик и Россией тесных и разнообразных связей — социально-экономических, гуманитарных, культурно-языковых.

Думается, интенсивность установки у русских в том или ином государстве нового российского зарубежья на адаптацию к новым условиям и успешность последней будут во многом зависеть от сочетания таких факторов, как степень политических, экономических, культурных, информационных связей новых государств с Россией, а также и с другими бывшими союзными республиками; абсолютное количество русских в населении республик и характер их расселения; степень близости языка, культуры, образа жизни русских и представителей титульного этноса; социально-культурный статус титульного народа. Этнополитические факторы сейчас во многом определяют ситуацию в социально-экономической, культурно-языковой, информационной и в других сферах и играют более весомую роль в возникновении межэтнических конфликтов, чем социально-экономические, культурно-языковые, религиозные.

Русские ближнего зарубежья в большинстве своем ориентированы на сохранение в той или иной форме политического, экономического, культурно-языкового (на базе русского языка и культуры) и информационного единства бывших союзных республик, поскольку при этих условиях в наименьшей мере меняются их положение и статус, а в их сознании доминирует ориентация на бывший союзный Центр, идентифицируемый сейчас с Россией. Это затрудняет их отношения с властными структурами стран проживания и в той или иной мере с титульным населением последних, так как и первые, и в известной степени вторые ориентированы на строительство «своих» независимых (прежде всего от бывшего союзного Центра, а сейчас в значительной мере и от России) «национальных» государств. Мы полагаем также, что подобное отставание сознания русских нового зарубежья от нынешней этнополитической ситуации, объективно связанное с недавним социально-культурным статусом русских, снижает возможности их адаптации, подталкивает их к миграции.

Вместе с тем на нынешнем этапе развития новых независимых государств русское население объективно является и в будущем все больше станет выступать одним из заметных факторов интеграции народов и государств на пространстве бывшего Союза. Последнее во многом будет зависеть от продуманной, взвешенной политики России по отношению к своим партнерам по бывшему СССР, включая и политику в отношении проживающих в этих странах наших соотечественников.